

КРАЕВЕДЕНИЕ

А.Е. Коняев

ЯРОСЛАВСКОЕ ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ АРЕСТАНТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ярославское исправительное арестантское отделение формально было единым учреждением, но фактически было разделено на два «помещения», расположенные в разных концах города. Это порождало «ведомственный сепаратизм»: руководство Дополнительного помещения стремилось к независимости от Главного, что удалось преодолеть в начале XX века, после создания Временно-каторжной тюрьмы на базе Главного помещения ЯИАО.

А.У. Koniaev

YAROSLAVL CORRECTIONAL PRISONER DEPARTMENT IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Yaroslavl corrective division for prisoners was formally uniform establishment, but it was actually divided into two «premises», located in the different parts of the city. It generated «departmental separatism»: the management of the Additional premise aspired to independence of the Main. It was possible to overcome this situation in 1910th only, after creation of Temporarily-unbearable prison on the basis of Main premise of YCDP.

В начале XX века благодаря умело организованному союзу ярославских предпринимателей, высших местных властей и администрации тюрем Ярославское исправительное арестантское отделение (ЯИАО) превратилось в мощный, динамично развивавшийся производственный комплекс [1]. Однако существовал ряд негативных факторов, тормозящих процесс роста производства. Одним из таких факторов было явление, которое можно определить как «ведомственный сепаратизм». Его причиной было разделение тюрьмы на два «помещения»: в центре города и на его окраине, в бывшей Коровницкой слободе.

Ещё в 1895 г., обзревая тюремные учреждения Ярославля, губернский тюремный инспектор И.С. Миклашевский отметил существенный недостаток в работе ЯИАО: его разделение на Главное (по документам того времени – «что в Коровниках») и Дополнительное («что на Угличской улице») помещения. В отчёте губернатору инспектор писал, что «начальник Исправительного отделения часто отвлекается от своих обязанностей, отлучаясь то в казначейство, то в Дополнительное отделение, ему подчинённое, на что, за дальностью расстояния, приходится терять много лишнего времени». Это непосредственно сказывалось на работе канцелярии ЯИАО, где «некоторых книг, установленных законом, совсем нет, а многие ведутся не по форме» [2].

Посетив Дополнительное помещение ЯИАО, И.С. Миклашевский нашёл и там канцелярский беспорядок, но иного рода: «Некоторые сведения и отчёты ведутся не по однообразной с Главным отделением форме, которому, однако же, это дополнительное помещение, составляя его филиальное отделение, как бы подчиняется». «Между этими двумя отделениями, за дальностью расстояния друг от друга, нет и не может быть ничего общего», – подводил итог инспектор [3].

Отмечались и предпосылки для возникновения «ведомственного сепаратизма»: «Дополнительное отделение и по размерам помещения, и по количеству содержащихся, и по организации работ не только не стоит ниже Главного, а, наоборот, в Дополнительном и больше порядка, и больше дела, и, несмотря на это, здесь приходится работать одному человеку – помощнику начальника, с его ограниченной канцелярией, тогда как в Главном отделении у начальника есть особый помощник, да и канцелярские средства больше» [4].

Мнение тюремного инспектора подтверждается цифрами годового отчёта ЯИАО 1894 г., которые наглядно демонстрируют экономические преимущества Дополнительного помещения над Главным [5]. Коровницкое отделение превосходило Угличское по номенклатуре наружных (то есть черновых) работ, но уступало ему по внутренним (то

есть производственным работам в мастерских).

Так, «коровничане» (название, применявшееся начальником ЯИАО А.Л. Гордовым) производили 5 видов наружных работ, а «угличане» – 4. Проводить качественное сравнение мы можем по тем видам работ, которыми занимались в обоих помещениях ЯИАО – в 1894 г. это были работы по выгрузке товаров и плотничные работы.

Исчисление произведённых работ производилось, согласно тюремной отчётности, двойкой: 1) в «рабочих сутках» и 2) в заработанных суммах.

Согласно данным годового отчёта 1894 г., арестанты Главного помещения в Коровниках провели на погрузочно-разгрузочных работах 21146 рабочих суток и заработали 7771 руб. 28 коп., то есть в среднем 1 рабочие сутки оценивались в 36 $\frac{3}{4}$ копейки. Арестанты же «угличского» отделения за 13072 рабочих суток «выработали» 5604 руб. 82 коп., то есть их труд оценивался в среднем в 43 копейки. Схожей была ситуация и с плотницкими работами: 383 рабочих суток «коровничан» были оценены в 113 рублей – в среднем по 29 $\frac{1}{2}$ коп., тогда как «угличане», проработав плотниками всего 25 суток, сумели заработать 10 руб., то есть их труд оплачивался в среднем по 40 коп. в сутки. Очевидно, что именно в Дополнительном помещении смогли более рационально организовать «чёрные» арестантские работы.

Хотя заметим, итоговый *количественный* результат по наружным работам был всё же в пользу Главного отделения: ему помог приписанный к «Коровникам» кирпичный завод, где за 3877 суток сумели заработать 5089 руб. 10 коп. Итоговая цифра была такова: Главное помещение уделило наружным работам 26276 суток и заработало 13122 руб. 66 коп. – почти 50 коп. за рабочие сутки; Дополнительное уделило этим работам 14029 суток и заработало 6062 руб. 72 коп. – около 43 $\frac{1}{4}$ коп. за рабочие сутки.

По работам же в мастерских Дополнительное помещение обошло Главное и качественно, и количественно. В «Коровниках» в течение 1894 г. за 10458 рабочих суток, проведённых арестантами на «внутренних» работах, было «выработано» 3504 руб. 49 коп. – в среднем по 33 $\frac{1}{2}$ коп. за рабочие сутки. В Дополнительном же помещении за 13657 рабо-

чих суток мастерские заработали 8785 руб. 32 коп., то есть в среднем по 64 $\frac{1}{4}$ коп. в сутки.

Гораздо более умело «угличане» организовывали ткацкие работы: 1822 рабочих суток местных ткачей были оценены в 1911 руб. 10 коп., тогда как в «Коровниках» за 2034 рабочих суток сумели «выработать» 1694 руб. 39 коп. Только в Дополнительном помещении ЯИАО производились слесарные (в 1894 г. – 3159 рабочих суток с выработкой 2987 руб. 99 коп.) и обойные работы (875 рабочих суток с выработкой 1075 руб. 01 коп.). «Коровники» же сумели превзойти отделение на Угличской улице только по стекольным работам, которые были скорее одним из частных заказов: объём работ составил 72 рабочих суток с выработкой 10 руб. 80 коп.

Исходя из подобной статистики, губернский тюремный инспектор предлагал губернатору: «Для устранения ненормальных служебных отношений между двумя Исправительными арестантскими отделениями необходимо совершенно выделить Дополнительное отделение от всякой зависимости его от начальника Главного отделения». В ближайшей же перспективе предлагалось «несколько уравнивать их труд и канцелярские средства», выделяя руководителю Дополнительного помещения необходимые суммы, «дабы он мог иметь у себя хотя бы дельного письмоводителя, какового нельзя найти на ныне отпускаемые ему средства» [6].

В наших предыдущих публикациях как научного [7], так и научно-популярного [8] характера уже отмечалось, что ЯИАО фактически представляло собой промышленное производство, непосредственно являвшееся собственностью Попечительства ЯИАО. Попечители даже вменяли начальнику ЯИАО действовать по их указаниям в вопросах, касающихся производства «за решёткой» [9]. Несомненно, что соображения тюремного инспектора были приняты ими во внимание, как и представителями власти.

Косвенным подтверждением того, что вышестоящее губернское руководство как минимум не препятствовало «ведомственному сепаратизму» отделения на Угличской улице могут служить документы начала XX века. с угловым штампом, в которых отделение в Коровниках именуется «Первым Исправительным отделением», то есть отделе-

ние на Угличской улице как бы становилось «вторым» по номеру, отдельным от «первого».

Любопытно, что такой ситуацией широко пользовались заключённые. Зная о том, что в «Угличском» отделении ЯИАО лучше развито ремесло, а условия содержания куда комфортнее, чем в «Коровниках» (где, по словам тюремного инспектора, он не видел ни одного места, которое «не было бы гнило» [10]), арестанты, под предлогом наличия у них мастерства, часто просили перевести их в Дополнительное помещение, откуда, в свою очередь, несколько человек, ввиду нехватки места, переправлялись в «Коровники». Такие перемещения были значительны. Например, в январе 1908 г. из отделения на Угличской улице выбыли 23 человека: 13 за окончанием срока, 1 – в суд и 9 – в «Коровники». Оттуда, в свою очередь, прибыли за январь 38 человек [11]. В марте того же года из 25 арестантов, выбывших из Дополнительного помещения, в «Коровники» были направлены 7 человек [12].

Такие перемещения были замечены губернским тюремным инспектором, который ещё 7 февраля 1907 г. приказал вывесить в камерах объявление следующего содержания: «Многие из числа арестантов заявляют желание работать и, с этой целью, просят о переводе их из одного места заключения в другое для занятия определённым ремеслом, при испытании же оказываются совершенно не знающими заявляемого ими ремесла. На будущее время все те арестанты, которые будут переведены по их просьбе для работ из одного места заключения в другое, окажутся не знающими этих работ или лениво их исполняющими, будут подвергаться дисциплинарным взысканиям» [13].

Летом того же года в ЯИАО сменился начальник. Новый руководитель, подполковник А.Л. Гордов, повёл решительную борьбу с «ведомственным сепаратизмом», попытавшись снова взять Дополнительное помещение под свой финансовый контроль. 8 сентября 1907 г. в рапорте губернскому тюремному инспектору А.Л. Гордов описал всевозможные трудности работы в «Коровниках» по сравнению с работой в Дополнительном помещении. Подчёркивалось, например, что вся почтовая корреспонденция идёт в адрес Главного отделения, которое, по получении, вы-

нуждено сортировать бумаги и отсылать часть на Угличскую улицу – «вследствие изложенного собственно канцелярский труд и расходы в Коровницком помещении должны быть (и на самом деле так и есть) в три раза больше, чем в Дополнительном» [14]. В ход пошёл даже тот аргумент, что «из числа чинов надзора в Коровницком помещении около половины не имеют казённых квартир, а в Угличском только 4 не пользуются казёнными квартирами» [15].

Предлагалось, однако, не разделять ЯИАО на два отделения, а лишь перераспределить финансирование: в конце рапорта следовала жалоба, что «средства, как штатные, так и нештатные, на содержание служащих и канцелярские расходы по обоим помещениям исправительного отделения распределены не пропорционально вышеуказанному напряжению фактической деятельности. О вышеизложенном представляю на Ваше усмотрение» [16].

Какие-либо ответные распорядительные документы губернского тюремного инспектора в ГАЯО не обнаружены, зато найдены яркие свидетельства ответной реакции «угличан». Так, 1 февраля 1908 г. имел место следующий инцидент: из отделения в Коровниках на санях везли «в город» столярные изделия. На дороге столкнулись с пустыми подводами, следовавшими в Коровники из Дополнительного помещения. Сидевший в санях старший надзиратель Главного отделения потребовал у извозчика из Дополнительного помещения – арестанта Хахина – освободить дорогу. Однако тот дороги не уступил, а разразился отборной площадной бранью, а в конце тирады, как бы в оправдание своего поведения, заявил: «У нас своё начальство, а коровницких нам не нужно! У нас есть свой начальник, не думай, что это в вашем отделении!» [17].

Что особо примечательно: проступок Хахина вполне «тянул» на самое строгое дисциплинарное взыскание – порку розгами и карцер на месяц. Если бы Хахин вел себя так непосредственно в «Коровниках», так бы и случилось. Однако в сложившейся ситуации «угличское» начальство не дало арестанта в обиду: чтобы наказать Хахина, начальник ЯИАО был вынужден особым письмом «испрашивать» у губернского тюремного инспектора «применения в отношении Хахина

мер согласно п. 2 ст. 397 Устава о содержащихся под стражей» [18].

Таким образом, можем констатировать: успехам в построении ярославского «экономического чуда за решёткой» в известной мере препятствовало разделение ЯИАО на два далеко отстоящих друг от друга помещения, что порождало своего рода «ведомственный сепаратизм». Конфликт оказался исчерпанным только в 1910 г., когда Главное помеще-

ние ЯИАО, «что в Коровниках», было преобразовано в Ярославскую Временно-каторжную тюрьму, а собственно исправительным арестантским отделением стало Дополнительное помещение, «что на Угличской улице», чей руководитель утратил статус помощника начальника коровницкого отделения и стал полноправным начальником ЯИАО.

Примечания

1. См.: Коняев, А.Е. Экономические аспекты деятельности тюрем г. Ярославля начала XX в. [Текст] / А.Е. Коняев // Молодёжь. Образование. Экономика. 7-я Всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных, студентов и аспирантов: сборник статей / МЭСИ, Ярославский филиал. – Ярославль, 2006. – С. 81-85.
2. ГАЯО. – Ф. 335. – О. 1. – Д. 3. – Л. 15.
3. Там же. – Л. 24-24-об.
4. Там же. – Л. 25-25-об.
5. Подробнее см.: ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 85. – Л. 34-34-об.
6. ГАЯО. – Ф. 335. – О. 1. – Д. 3. – Л. 28-об.-29.
7. См.: Коняев, А.Е. Дореволюционная ярославская тюрьма – феномен российской пенитенциарной системы [Текст] / А.Е. Коняев // Социальная история российской провинции: материалы Всероссийской научной конференции / Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2007. – С. 226-231.
8. Коняев, А. Бизнес за решёткой [Текст] / Александр Коняев // Городские новости. – 2007. – 7 ноября; Коняев, А. Коровницкие землевладельцы [Текст] / Александр Коняев // Губернский город. – 2007. – № 12. – С. 62-64; Коняев, А. Риэлторы из-за решётки [Текст] // Квартиры и цены. – 2007. – 30 июля – С. 13-15.
9. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 35. – Л. 76-об.
10. Коняев, А.Е. «Экономическое чудо» за решёткой. Ярославская городская тюрьма начала XX века как исторический феномен [Текст] / А.Е. Коняев // Актуальные проблемы современной экономической науки. 6-7 декабря 2005 г.: материалы конференции / Российский государственный гуманитарный университет, филиал в г. Ярославле. – Ярославль, 2006. – С. 106.
11. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 386. – Л. 6.
12. Там же. – Л. 9.
13. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 299. – Л. 24.
14. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 303. – Л. 88-об.
15. Там же. – Л. 88.
16. Там же. – Л. 88-об.
17. ГАЯО. – Ф. 337. – О. 1. – Д. 302. – Л. 23-23-об.; 25.
18. Там же. – Л. 25-об.

Г.В. Мурзо

НЕ ТОЛЬКО ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ: ПИСЬМА К.Ф. НЕКРАСОВА К С.Л. ЩЕРБА

В основу статьи положены письма Константина Федоровича Некрасова к жене Софье Леонидовне Щерба. Это эпистолярное наследие, состоящее из 150 посланий, охватывает 1910-1917 годы, чрезвычайно важные в жизни Некрасова. Письма задали пространственную перспективу и временную динамику ее описания. Нарушив приватность героя, они стали не только материалом изучения, но и психоаналитическим инструментом реконструкции его личности.